

Ольга Бруснигина

Рябина на снегу

12+

Ольга Бруснигина

Рябина на снегу

«Автор»

2019

Бруснигина О.

Рябина на снегу / О. Бруснигина — «Автор», 2019

Стая голодных волков потревожила покой заснеженной деревушки. Спасти напуганных жителей может только настоящий герой, способный на подвиг во имя любви.

© Бруснигина О., 2019

© Автор, 2019

Ольга Бруснигина

Рябина на снегу

– УУУУУУУ! – пел заунывную песню ветер, поднимая и неся с собой колкие угловатые снежинки.

Сухие, как песок, тонны снега укладывались в причудливые косы-барханы. Лютый мороз с приятельницей пургой буйствовал уже три дня. За это время все вокруг превратились в однообразную белую пустыню.

Из промежутка леса вышли волки. Хищники были в этом месте впервой. Серые остались последними от большой когда-то стаи. Сейчас волчья пара, скрепленная тремя волчатами-недопесками, наострила свои лапы мимо спящей деревеньки. В лучшие времена, живя на отвоеванной территории, полной мелкой живности, волки пребывали в сытости и безопасности. Зима в этот год приготовила для лесных обитателей серьезное испытание. Не только волкам пришлось подниматься с насиженного места. Из леса гурьбой повалила вся лесная братия, чувствуя великую опасность. Гул тракторов, рев бензопил лесозаготовки разносился по всей округе и заставлял бежать без оглядки. Деревьев становилось все меньше. Лесные прогалы светились насквозь, оголяя лежища и потаенные норы.

Волки ушли последними. Их кочевой норы позволял продвигаться дальше в лес до тех пор, пока они не вышли на поля.

– УУУУУУУ! – продолжал гудеть ветер, заваливая худые серые бока волков горстями снега.

Вожак злился. Голодное урчание щенячьих животов преследовало весь путь. Два дня без еды. Пытался почуять носом добычу, но пурга делала попытки напрасными.

Наконец, удача: впереди маячил запах людского жилья. Подгоняемая голодом и стужей волчья семья потрусила быстрее. Щенки повизгивали, покусывая друг друга не ради игры, а чтобы вырваться вперед за желанным ужином.

Осторожные когтистые лапы оставляли отпечатки в рыхлом снегу, но их тут же задувало новой порцией снежной пыли.

Деревенские сторожа – собаки, почуяв дикого зверя, лаем на миг остановили серые тени. У хищников не было другого пути, другого шанса выжить в эту беспокойную ночь.

РЯБИНА.

– Олюшка, подымайся!

Бабушка ласково потрепала по взлохмаченной макушке.

– Ну, баб!

– Вставай, говорю! – стащила бабушка ватное одеяло с кровати, – за окном уж свет. Выряжайся скорее, да выходи в сени.

– Баб, еще капельку!

– За ноги да об пол, – своей любимой поговоркой проговорила старушка и начала щекотать голые девчачьи ступни.

Оля поскулила маленько, выставить босые ноги на пол не хотелось. Утром белые не крашенные половицы казались кусками льда. Самыми кончиками пальцев ног провела по полу, подтягивая плетеный тряпичный круг, который бабушка плела два вечера.

У порога на вешалке девочка подхватила цигейковую шубенку. Напялила ее на себя, отмечая, что рукава стали еще короче, чем в прошлую неделю. Рукава малы, а сама шуба почти до полу, заступить можно. Так бывает, когда одежда с чужого плеча. Пуговицы, разного цвета и размера, оказавшиеся случайными соседями с легкой бабушкиной руки, выпадали их разношенных петель. Оля не переживала по этому поводу, привыкла подпоясываться узким зеленым кушаком, вырезанным из мужского шарфа.

Шапка неизвестного меха лежала на выступе печи. Ее странный цвет бабушка окрестила «бурым». Вместо завязок предыдущие хозяева незатейливого головного убора круглой формы, пришили кругом резинку. Когда шапка оказывалась на голове, Оля перекрещивала резинку и закидывала наверх. Такая манипуляция крепко закрепляла «бурку» на голове, отчего та не съезжала на глаза и не сползала на бок.

Стоптаные валенки давно стали малы. Они и так были после старшей сестры, впрочем, как и вся остальная одежда. Пальцы ног собирались в кулак, пытаясь уместиться внутри.

– Ай, – вспомнила Оля, – когда была полностью готова к зимней прогулке, – я же без штанов, а валенки – на босу ногу. Да, чай, недолго!

Бабушка, нетерпеливо суетилась в сених, собирая корзину.

– Без варег пойдешь? – спросила она.

– Дак, тепло ж!

– Тебе всегда тепло! Простуду не чувствуешь, а потом вылечить не знаешь как.

Бабушка шагала широкими шагами по рыхлому сухому снегу. След в след за ней угадывала рослая пятилетняя внучка: смышлёная не по годам. Широкие голенища грубых войлочных валенок шлепали по худеньким голеньким ножкам до тех пор, пока валенки полностью не наполнились утрамбованным снегом, который неминуемо начал таять от тепла и тоненькими струйками заливать под пятки. Ощущения водяной лужи в обуви был неприятен, но девочка боялась сказать об этом, поскольку знала, что бабушка в гневе обкричит и вернет назад.

Рябина, сплошь покрытая яркими ягодами, росла возле заброшенного амбара позади деревни. За ягодой бабушка собиралась идти пораньше, до снега, но вышло так, что он пришел неожиданно и валил двое суток.

– По первому морозу надо было, – ворчала старушка, устав барахтаться в сугробах, – сейчас допрём, а там рябины – кот наплакал.

– Да, уж, – привыкшая к бабулиным присказкам, согласилась Оля.

– Чай, выклевали всю, – продолжала бабка.

– Кто?

– Знамо, кто – рябиновки да сороки, а то и галки. Хоть бы пособачей тропе идти, а то взопрела я ногами снег месить. Надо было прежде санки толкать, лыжню делать.

Рябиновый куст был нетронут. Чудесное сказочное зрелище величия природы, ее совершенства, было воплощено в контрасте красного и белого. Рдеющие ягоды манят оголодавших пичуг, многочисленными стайками клевавших природное лакомство.

Бабушка расстелила на снег старое лняное покрывало, которым весной укрывали рассаду.

– Давай, Олюшка, я нагинаять ветки стану, а ты ломай. Да гляди крупные ветки не смей, кисточками бери.

Оля сжала маленькие ручки в кулачки и стала согревать их своим дыханием. Покрасневшие пальчики горели огнем от знатного морозца.

– Непослушница! – заругалась бабушка, – говорила тебе про вареги! На – мои.

– Куда мне? – удивилась Оля, – большие они, спадут. Если глубоко увязнут – до весны не найдем.

– Если найдем, – возразила бабушка, – мыши на гнездо уташат.

– Баб, а рябины сколь брать будем?

– Ведра хватит, не мясо ведь – сыт не будешь.

Полновесные гроздья, сброшенные на покрывало детскими ручонками, перебрались в ведерную корзину.

– Ай, озорница, мимо наметала. Погляди, сколько зря ягоды пропадет.

Оля не была глупой девочкой. Вкусные ягодки малинки или черники уплетала за милую душу, чего нельзя сказать о горькой рябине. Осенью, соблазнившись красивым видом изобиль-

ных ягод, опробовала на вкус. Едва первая ягода лопнула на языке, девочка выплюнула ее на землю. Такие мытарства на морозе по этой причине девочке были непонятны.

– Чего не пробуешь? – спросила бабушка, – отведай!

– Не хочу!

– Возьми, – протянула бабушка самую красивую гроздь.

Олюшка зажмурилась, от воспоминаний о горечи и мотнула головой.

Бабушка тем временем с удовольствием смаковала ягоды, да так заразительно, что у Оли от зависти слюнки потекли.

Она сама сощипнула с дерева самую крошечную рябининку и осторожно положила в рот. Замороженная ягодка моментально оттаяла, одаривая кислым, приятным вкусом.

– Вкусно!

– Еще бы! Горечь мороз забрал. Гляди, больше не ешь, горло застудишь, а там и до нутра дойдет.

– Куда дойдет?

– В грудь.

– Сюда? – спросила Олюшка, прикладывая руку к животу.

– До кишок, думаю, не дойдет. Чуть выше бери.

Оля всегда отличалась своенравным характером. Упрямая, делала все наперекор, не потому, что хотела навредить или позлить, а чтобы показать свою взрослость и самостоятельность.

Подхватив с упругих веток ядреную морозную кисть, расщелушила по ягодке и принялась жадно всасывать, прищелкивая язычком.

Лопнула очередная оттаявшая рябининка и разбрызгалась ярким соком на губы и щеки девочки.

– Мало тебе конопушек? – рассмеялась бабуля, – еще рисуешь.

Оля обтерла липкие пятна с лица мохнатым рукавом и подставила мордашку поближе к бабушке:

– Сейчас, лучше?

– Пятном – больше, пятном – меньше, все равно – рыжая!

Олечка – странное солнечное создание. Курчавые рыжие волосы в мелкие кольца не поддавались воздействию ни одного частого гребешка. Маленький вздернутый носик, полностью покрытый веснушками, делал личико милым и трогательным. А огромные синие глаза с пушистыми светлыми ресницами, загнутыми вверх, всегда широко распахивались от удивления.

– Солнышко тебя поцеловало, – объясняла бабушка.

И это было истинной правдой. Едва яркие лучи солнца сливались с пышной шевелюрой, вокруг головы девочки создавалось огненное свечение.

Бабушка развернула процессию обратно к дому. Оле в ношу досталось легкое пустое покрывало, а старушка волокла полную корзину ягод, периодически меняя руку и выставяя ношу на снег для передышки.

– Торопись, Олюшка, не отставай! – покрикивала бабушка, оглядываясь назад на внучку, – чего тянешься! Нам еще на автолавку угадать надо, а то без пряников неделю сидеть будем.

Такой убедительный довод заставил девочку махать сильнее ручонками. Выглядела малышка комично. Среди высоченных сугробов, по пояс под снегом, этакая барахтающаяся козявка.

Как только Оля сняла шубенку, сразу оказалась перед суровым взглядом бабушки, грозно нахмурившей брови.

– Ах ты, зараза такая! – всплеснула та руками по бокам, – смерти моей преждевременной хочешь. Портки, почему не одела? Полны валенцы воды!

– Баб, – надув обиженно нижнюю губку, запричитала девочка, – коли было штаны-то надевать? Проснуться-то не успела, а ты: «Вставай, пойдем!»

– По-твоему я виновата? – вконец осерчала бабушка, – Твоя голова, на что или ты мягким местом думать научилась?

Оле было обидно слушать такие слова в свой адрес. Она обидно хлопала длинными ресницами боясь расплакаться.

– Чего, Федул, губу надул? – продолжала язвить бабушка, – Заболеешь – родители шкуру с меня сдерут.

– Не буду я болеть.

– Болезнь не просится, с краю заходит, отколь не звали. Распоясать бы кушак, да взгреть по попе докрасна, чтоб наперед науку выучила.

Тут, уж, Оля не стерпела и разревелась в два ручья. Крохотный подбородок мелко дрожал в такт каждому новому всхлипыванию, а огромные бусины-слезинки катились беспрестанно по румяным после прогулки щечкам.

Бабушка не терпела внучкиных слез. Старое выносливое сердце, пережившее много на своем веку, сжималось от взгляда на зареванное детское личико.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.